

Инга Васильева
(Калининград)

ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОР В «ПРОРОЧЕСКИХ» СНОВИДЕНИЯХ

Статья посвящена рассмотрению вопроса о специфике метафоры в «пророческих» сновидениях. Как специфические показываются следующие их черты: на основе конкретного представление конкретного же (абстрактная семантика обеспечивается метонимией), спонтанность, вписанность в культурные контексты, снятие функциональных границ между номинативностью и предикативностью, близость к предметной и когнитивной метафорам. Делается вывод о том, что метафора в сновидениях объединяет рациональную и иррациональную сферы.

Ключевые слова: метафора, метонимия, образ, символ, сновидения, когнитивная лингвистика, номинация, предикация, текст.

Сновидения — явление из области неосознанной психической деятельности человека, которое может быть продуктивно исследовано с когнитивно-языковой точки зрения. Такое их рассмотрение опирается на несколько базовых теоретических положений. Во-первых, положение о том, что сновидение и семиотические коды культуры (миф, религия, ритуал, искусство, язык и т.д.) составляют реализацию единых знаний человека о мире. В основе каждого из этих семиотических кодов лежат одни и те же содержательные образования. Связывая данное положение с теорией аналитической психологии К.Г. Юнга, можно было бы говорить, что содержания, к которым восходит психическая деятельность человека, — это архети-

пы коллективного бессознательного [9, с. 88]. Рассматривая это положение с позиции современной когнитивно-языковой теории Дж. Лакоффа, можно было бы определять их как языковые гештальты [6].

Во-вторых, при рассмотрении сновидений с когнитивно-языковой точки зрения важную роль играет тезис, согласно которому кодовая специфика сновидений определяется как образность. Отдельным знаком сновидений выступает образ, но и в целом они представляют собой образные комплексы, складывающиеся в сюжеты, которые также имеют знаковый характер. При этом образы сновидений представляют собой поверхностные реализации глубинных начал — архетипов коллективного бессознательного, или языковых гештальтов. Это понятные сознанию человека варианты осуществления глубинных образных инвариантов, лежащих в сфере Бессознательного. К этому же положению с позиций формальной логики подошел Л. Витгенштейн, который постулировал существование особой содержательной области, находящейся по ту сторону языка и языкового мышления, — Невысказываемого (*Unaussprechliches*). По его мнению, это Невысказываемое невозможно описать, используя средства естественного языка, но оно само может открыть себя человеку в образе. «В самом деле, существует Невысказываемое. Оно показывает себя, это — мистическое» [5, с. 72]. В таких условиях важно лишь правильно «прочитывать» образы сновидений, которые, по сути, являются знаками иной реальности, лежащей за пределами дискурсивного сознания человека.

В-третьих, при рассмотрении сновидений с когнитивно-языковой точки зрения следует опираться на положение, согласно которому в основе всей содержательной деятельности человеческой психики лежат одни и те же механизмы. Наиболее отчетливо они представлены в языке — это, прежде всего, метафора, метонимия, прагматические расширения, сближения по параномазийному принципу [2]. Данные механизмы реализуются и в сновидениях — на образном уровне.

Наибольшей познавательной силой обладает метафора, и это прослеживается в ряде моментов. Она обеспечивает «когнитивный скачок», при котором область-источник и область-цель могут находиться сколь угодно далеко друг от друга. «Итак, — писал по этому поводу Х. Ортега-и-Гассет, — метафора служит тем орудием мысли, при помощи которого нам удается достигнуть самых отдаленных участком нашего концептуального поля. Объекты, к нам близкие, легко постигаемые, открывают мысли доступ к далеким и ускользающим от нас понятиям. Метафора удлиняет руку интеллекта; ее роль в логике может быть уподоблена удочке или винтовке» [8, с. 72]. Эта независимость от содержательной дистанции также может рассматриваться как одно из

проявлений принадлежности метафоры иной реальности: познавательная дистанция в ней не значима. Кроме того, она «извлекает» из иной реальности принципиально новые содержания и помещает их в имеющиеся концептуальные рамки — «о-пределяет» их. Наконец, метафора находит осуществление в образе, вследствие чего она не осмысливается рационально, а непосредственно переживается человеком. И в этом также проявляется ее принадлежность сфере иррационального.

Метафору отличают и свойства более частного порядка. Так, она может выполнять номинативную или предикатную функцию. В первом случае она реализуется в сфере языка, во втором имеет тенденцию устремляться за его пределы. По словам Н.Д. Арутюновой, «предикатная метафора направлена в конечном счете на достижение гносеологических целей» [1, с. 163]. Кроме того, предикатная метафора достаточно четко ориентирована на «невидимые миры» — духовную сферу человека. При этом конкретный опыт реального бытия принимается за основу при моделировании бытия иной реальности. В частности, психические качества человека могут быть охарактеризованы температурными предикатами (*горячий, жаркий, холодный, ледяной, теплый, прохладный*), предикатами, описывающими функциональные свойства предметов (*острый, колкий, колючий, резкий, мягкий, твердый, жесткий, гибкий*), предикатами, отражающими осязательные характеристики предметов (*скользкий, липкий, ровный, неровный, шероховатый*), ориентированными на пространственные их свойства (*плоский, широкий, открытый, замкнутый, глубокий, прямой, тонкий, мелкий, поверхностный*) и др. [1, с. 164].

Однако в сновидениях метафора выходит за рамки психологического бытия человека. Она может функционировать в качестве средства репрезентации «иной» семантики, переводя ее в план реальных знаний о мире. При этом идентифицирующая и предикативная функции метафоры ослабевают и сближаются. Тем не менее остается актуальным следующее правило: метафора отрешается от целостного образа, оставляя в своем значении лишь отдельный его признак, и этот признак представляет другой объект, для которого данный признак тоже значим. Так, в следующих примерах признак «протяженность» репрезентируется тремя разными областями-источниками — *косами, волосами* и *змеей*, а область-цель, отвечающая этому признаку, одна — *дорога* (как *путь*). Ср.:

(1) Приснился мне сон. Была какая-то темная комната небольшая, и я в ней мыла полы, причем вода в ведре и вот сама эта тряпка были все грязные очень. Затем приснился мой молодой человек — на этот момент

мы встречались, — и он был с какой-то незнакомой совершенно мне девушкой. У нее были заплетены две шикарные косы. Девушка совершенно незнакомая, я ее до сих пор... я ее в принципе не знаю, даже зрительно мне она никого не напоминает. И все. Вот это вот все, что мне особенно запомнилось.

И потом сказали мне, когда расшифровывали, что это означает, что скорее всего у этого молодого человека будет дорога — и так потом вышло: он уехал на полгода совершенно в другой город учиться — и у нас выйдет какая-то размолвка, то есть будет неприятный разговор, потому что вода была грязная. Вот так все и вышло: из-за отъезда был неприятный разговор, была размолвка.

(2) Если снится, что расчесываешь волосы, что-то делаешь с волосами, это у меня всегда дальняя дорога. Какой-то внезапный отъезд, куда-то нужно ехать... Вот накануне мне снится, что я либо племяннице расчесываю волосы, либо сама вижу себя с длинными волосами. Такое всегда... То есть совпадение абсолютное, стопроцентное.

(3) Я после школы поступала в университет — не прошла по конкурсу, недобрала один балл. Уехала домой на Кубань. Сколько дней я там пробыла в расстроенных чувствах — не помню. И вот приснилась мне длинная змея. Я рассказала об этом сне бабушке-соседке: «Федоровна, к чему бы это? Никогда в жизни не снилась змея». Она тут же сказала: «Это к дороге». Я думаю: «Какая дорога, если меня не приняли? Только приехала домой, надо искать работу».

Буквально в этот же день пришла телеграмма о том, что меня зачислили кандидатом. Это меня просто поразило.

Показательно, что контекстные связи значимых образов в приведенных примерах сновидений неактуальны. В примере (1) *косы* имеет некая *девушка*, определяющаяся в объектной позиции, а *дорога* предстояла *молодому человеку*, также занимающему в сновидении позицию объекта (можно предположить, правда, что эта связь все-таки есть, и она реализуется в рамках сложной метонимической модели «косы → девушка данного молодого человека → сам молодой человек → его дорога»); в примерах (2) и (3) образы *волос* и *змеи* упоминаются вообще вне связи с контекстом сновидения, а дорога предстоит сновидице. Обобщая, можно сказать, что человек может видеть пророческие сны не только о себе, но и о других.

Если говорить о предикатной метафоре, то еще одним важным ее свойством отмечаются закономерный характер движения от более конкретного к более абстрактному и принцип антропо- и зооморфизма [1, с. 163]. Антропоморфные метафоры для сновидений не характерны. Что же касается зооморфных метафор, то они встречаются довольно часто. При этом в одних случаях основание метафор восста-

навливается легко, в других логика метафоричности оказывается чрезвычайно туманной, неясной, и такой образ обретает характер индивидуального символа. Так, в приведенном ниже примере (4) в позитивном контексте *собака* представляет идею «дружественности» (определенное значение имеет в этом случае и языковая формула *Собака – друг человека*), а в негативном – идею «злобности» (ср. системные языковые примеры типа *злой как собака, собачиться / лаяться ‘ругаться’, грызния ‘ссора’*). Эта идеология поддерживается и дополнительными сходствами в цвете волос собак и людей (тети и двоюродной сестры). В примере же (5) непонятно, почему *мыши* представляют сплетни; можно только предположить, что общим для этих двух смыслов является признак «тайный, не открытый». Ср.:

(4) Если собака снится в «добром» сне (хвостом виляет и т.д.), – это к друзьям, к хорошему. У меня еще так: если собака черная, лохматая и лает или рыжая и тоже злая мне снятся, – это к плохому. У меня тетя рыжая и сестра двоюродная черная. Мы с ними не дружим, иногда вступаем в конфликты. И после сна, когда мне приснились эти две собаки – черная и рыжая, причем напала рыжая, а черная была сзади нее, – дня через два был новый конфликт, буря между нами поднялась. Сон этот был как предупреждение.

(5) Мыши и вообще грызуны – это люди, которые говорят за спиной, и сплетни.

Что же касается движения от конкретного к абстрактному, то этот принцип в сновидениях также действует. Конкретные их образы могут связываться с такими предельно абстрактными и оценочными идеями, как *удача / неудача, добро / зло, благополучие / неблагополучие, благоприятность / неблагоприятность, болезнь, ссора, скандал, встреча, удивляющая неожиданность* и т. п. Ср.:

(6) Если мне снится небо – без облачка, яркое, – то это к удаче, к хорошим событиям. Я несколько дней потом в позитиве, несколько дней как питание какое от этого сна получаю.

(7) Я когда вижу детей во сне, у меня бывает двойко. Иногда действительно какое-то событие, какое-то удивление, но всегда неприятное. Бывает к хлопотам, но всегда какая-то... Для меня это не очень приятное событие всегда бывает. Вот, значит, удивление.

(8) Если снится красивый мужчина, то либо вскоре будет новое знакомство, либо встречу старого знакомого, которого давно не видела.

(9) Если снятся дети, будет какой-то скандал. Если мальчики – еще ничего, но если девочки, то обязательно.

Однако этот принцип в сновидении достаточно легко и часто нарушается. Один конкретный образ может метафорически представлять другой конкретный же образ, а дальнейшее развитие абстрактной семантики сновидения осуществляется на основе дополнительных процессов (обычно это метонимия). Так, в примере (1) *косы* метафорически представляют *дорогу*, но затем *дорога* как одномерная пространственная протяженность преобразуется на основе метонимии в идею передвижения. Эта же последовательность переходов наблюдается в примерах (2) и (3). Она же, но несколько более открыто прослеживается и в примере (10):

(10) Это было в Казахстане (г. Чимкент). Мы жили на даче. Вижу сон, что я стою на балконе и наблюдаю восход солнца. Солнце всходит огромное, яркое, и от него идет как бы широкая дорога. Я думаю: к чему бы это? А мне кто-то и говорит: «Твой сын уедет скоро, и далеко». Потом вижу поезд и сын с семьей уезжает, а мы с мужем остаемся: стоим и смотрим вслед.

Раньше мы думали о переезде, но не верили, что это когда-нибудь произойдет. Так вот, вскоре после этого сна сын действительно продал квартиру и уехал с семьей в Калининград, а мы спустя год приехали сюда к ним. А ведь в те годы все уезжали из стран СНГ и продать квартиру в республиках было очень трудно.

Подобная последовательность семантических преобразований, реализующихся на образном уровне, составляет второе семантическое правило сновидений: их абстрактная семантика может представляться на основе двойных переносов — метафорического, при котором и область-источник, и область-цель принадлежат конкретной сфере, и метонимического, переводящего конкретное в абстрактное.

Показательно, что это правило, объясняющее сдвиги в референтной семантике сновидений, вскрывает и одну из возможных преград на пути их верной интерпретации. Первая ступень переноса оказывается достаточно непредсказуемой и имеет, по сути, случайный характер. Тем не менее определенные «намеки» в этом плане дают культурные модели человеческого бытия и изменений в нем — они задаются такими семантическими оппозициями, как *здоровье / болезнь, покой / беспокойство, стабильность / переменчивость, мир / конфликт, оседлость / переезд* и т. д.

Рассматривая метафорические изменения в семантике сновидений, важно отметить и такое принципиально важное явление, как выполнение номинативной метафорой функции предикатной; точнее, в подобных случаях наблюдается снятие функциональных границ меж-

ду номинативной и предикатной метафорами. Так, в примере (1) *косы* — исходно номинативная метафора (в структуре сновидения *косы* представляются как объект), но итоговая функция этого образа определяется как предикатная (ср.: «молодому человеку будет дорога»); в примере (5) *мышь / грызуны* — номинативная метафора, но итоговая функция этого образа — предикатная («будут сплетни, пересуды»); в примере (8) образ *красивого мужчины*, в структуре сновидения выполняющий номинативную функцию, по сути оказывается предикатным («будет новое знакомство; будет встреча»). Исходя из этого формулируется третье правило функционирования метафор в сновидениях: метафоры, внешне выполняющие номинативную функцию, по сути выражают предикатную семантику, связываются с некоторым будущим положением дел в действительности.

Возвращаясь к вопросу об общей специфике метафорических образов в сновидениях, отметим, что они зачастую оказываются близкими предметным метафорам, выходящим за пределы конкретного языка и составляющим культурную универсалию. В таких метафорах конкретные предметы своей внешней данностью или функциональными характеристиками представляют необходимые абстрактные содержания. Например, в славянской традиционной культуре *печь* рассматривалась как метафорическая репрезентация женского лона, *мост* и *радуга* — как предметное осуществление идеи связи между двумя мирами, *пест* и *ступа* — как репрезентанты мужского и женского начал соответственно; в самых разных культурных традициях пещера рассматривалась как подобие материнского лона, в связи с чем *проникнуть в пещеру* означало умереть, вернуться в родовое состояние (аналогичную семантику имел обряд «перепекания ребенка» в печи у славян) [3, с. 62–68]. По сути, предметные метафоры и их образные аналоги принадлежат сфере мифологии и рассматриваются как мифологические символы. Так, в следующем примере семантика грибов определяется с точки зрения их предметной мифологической символики — ср.: «Грибы — часто символы счастья» [4, с. 62].

(11) Если мне снится, что я в лесу собираю грибы — обязательно, стопроцентно успех. Накануне чего-то серьезного — там, экзамена, отчета какого-то... Вот если я собираю грибы, я абсолютно уверена, что у меня будет все замечательно. Причем вот, именно когда у меня испытание какое-то, мне именно такой сон и снится накануне. Мне может присниться вот либо роды, да? Либо вот сбор грибов. И если я собираю их активно, много, там... радостно, то все будет хорошо.

Основание метафоризации в этих условиях утратилось, но как считают, оно определяется на основе фаллической формы грибов и связанной с этим образом семантикой потенции и плодородия.

В этих условиях, однако, следует иметь в виду, что предметные метафоры близки метафорам когнитивным — выполняют одинаковую с ними функцию (представляют новые абстрактные содержания на известной конкретной основе). По сути, предметные метафоры — это «реальные» разновидности когнитивных метафор, помогающие человеку концептуально освоить окружающий его мир. Поэтому, с другой стороны, сновидения в своей образности близки метафорам когнитивным, также находящимся за пределами конкретного языка и обеспечивающим когнитивное освоение мира человеком. Так, образная семантика следующих двух примеров основана на пространственной метафоре «HAPPY IS UP; SAD IS DOWN», в соответствии с которой ВЕРХ метафорически представляет концепты счастья, удачи, успеха, а НИЗ — концепты неудачи, неприятности [7, с. 396].

(12) Это не конкретный сон, а некий «образный тип» сна. В частности, если мне снится, что я двигаюсь куда-то вверх (поднимаюсь по ступенькам, забираюсь на обрыв, карабкаюсь по склону, цепляясь за растения, и т.п.), это означает, что какое-то последующее мероприятие в жизни будет успешным.

(13) Если во сне падаю — это к неприятности. К мелкой, большой — неважно.

Итак, можно заключить, что метафорические образы в «пророческих» сновидениях имеют ряд особенностей. Прежде всего, на основе конкретного они могут представлять конкретное же, а дальнейшие сдвиги в сторону абстрактной семантики обеспечиваются в них метонимиями. Кроме того, метафорические переосмысления образов в сновидениях спонтанны и непредсказуемы, но это их качество отчасти компенсируется ориентированностью на известные культурные и бытийные модели. В функциональном плане метафоры сновидений отличает снятие границ между идентификацией и обозначением ситуации, между номинативностью и предикативностью. Это обстоятельство дает основание полагать, что метафора в сновидениях имеет особую познавательную глубину: с одной стороны, она ориентирована на язык и языковые процессы, с другой — затрагивает самые сокровенные, бессознательные содержательные сферы человека, тем самым объединяя рациональное и иррациональное, реальность и ирреальную область, для описания которой у человека не хватает языка.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора // Лингвистика и поэтика. М., 1979.
2. Берестнев Г.И. Лингвистика сновидений // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. М., 2011.
3. Берестнев Г.И. Слово, язык и за их пределами. Калининград, 2007.
4. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996.
5. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М., 1994.
6. Лакофф Дж. Языковые гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10.
7. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.
8. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. М., 1990.
9. Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991.

Inga Vasilyeva

THE FEATURES OF METAPHORS IN “PROPHETIC” DREAMS

This article addresses the issue of the specific features of the metaphor in “prophetic” dreams. The following features are identified as specific: the representation of the specific through the specific (abstract semantics is ensured by metonymy), spontaneity, integration into cultural contexts, elimination of functional borders between nominativity and predicativity, closeness to the object and cognitive metaphors. The author arrives at a conclusion that, in dreams, the metaphor brings together the rational and irrational spheres.

Key words: *metaphor, metonymy, image, symbol, dreams, cognitive linguistics, nomination, predication, text.*